

Ценность каждого человека определяется ценностью предметов
его устремлений

РАЗМЫШЛЕНИЯ. В ЧЁМ НАШЕ БЛАГО?

МАРК АВРЕЛИЙ, ЭПИКТЕТ
ГОТОВОМУ ПЕРЕЙТИ РУБИКОН

Марк Аврелий Антонин
Эпиктет
Размышления. В чем
наше благо? Готовому
перейти Рубикон (сборник)
Серия «ПРО власть (Рипол)»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21598052

Размышления. В чем наше благо? Готовому перейти Рубикон: РИПОЛ;

Москва; 2016

ISBN 978-5-386-09293-1

Аннотация

Стоицизм – поистине уникальная философская школа: зародившись в III–II веке до н. э., она увлекает и наших современников. В этой книге вы познакомитесь с ярчайшими мыслями одних из лучших представителей стоицизма. «В чем благо?» Эпиктета, древнегреческого философа, побывавшего рабом и получившим свободу за свою мудрость, и «Размышления» его блестящего последователя Марка Аврелия, римского императора и философа, раскроют перед вами глубину и силу человеческого духа.

Содержание

Предисловие	6
Марк Аврелий. Наедине с собой	11
Книга первая	11
1	11
2	11
3	12
4	12
5	12
6	13
7	13
8	14
9	15
10	16
11	16
12	17
13	17
14	17
15	18
16	19
17	22
Книга вторая	26
1	26
2	26

3	27
4	28
5	28
6	29
7	29
8	30
9	30
10	30
11	31
12	32
13	33
14	34
15	34
16	35
17	36
Книга третья	38
1	38
2	39
3	40
4	41
5	43
6	44
7	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Марк Аврелий
Антонин, Эпиктет
Размышления. В чем
наше благо? Готовому
перейти Рубикон**

MARCUS AURELIUS ANTONINUS, EPIKTETOS

© Издание. Оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2016

Предисловие

Римский император (161–180 гг. по Р. Х.) Антонин, более известный под именем Марка Аврелия философа, родился в Риме в 121 году, а спустя семнадцать лет вместе с Люцием Вером был усыновлен их дядей Антонином (Пием), в том же году унаследовавшим императорский престол от Адриана. В 147 году он сделался соправителем государства, а после смерти дяди Пия, последовавшей в 161 году, императорская власть всецело перешла к нему, и он немедленно разделил престол с Люцием Вером. На престоле он носил имя императора Цезаря-Марка-Аврелия-Антонина-Августа, но мы будем называть его Аврелием, ибо под этим именем он наиболее известен сегодня Аврелий получил образование под руководством лучших учителей своего времени, риторику, например, преподавали ему Ирод Аттик и Марк-Корнелий Фронтон; в двадцатипятилетнем возрасте он под влиянием философа Юния Рустика с особенным увлечением предался изучению стоической философии.

Это был выдающийся правитель, но царствование его не было счастливым. Во все время его правления бесконечные войны потрясали империю, на нее обрушился целый ряд бедствий, одно тяжелее другого: наводнение, землетрясение, голод сменяли друг друга. Вслед за его вступлением на престол катты вторглись в Римскую Германию и Рэцию, Брита-

ния стала угрожать восстанием, началась уже долго созре-
вавшая упорная война с парфянами. В то время, когда го-
сударственные заботы удерживали Марка Аврелия на Запа-
де, Люций Вер должен был вести войну на Востоке. Состояв-
шие под его начальством полководцы, именно Статий Приск
и Авидий-Кассий, повели дело с таким успехом (Селевкия
на Тигре была взята, дворец парфянского царя в Ктесифо-
не разрушен), что парфяне вынуждены были заключить мир
(165 г. Р. X.), хотя в римском войске уже стала свирепство-
вать чума.

По окончании Парфянской войны оба императора полу-
чили в 166 году триумф, и Марк Аврелий принял титул Пар-
фянского. Но радость победы была омрачена ужасной чу-
мой, которую вернувшиеся войска занесли во все провин-
ции, лежавшие на их пути. К этому присоединилось еще и
то обстоятельство, что северные племена, жившие вдоль Ду-
ная на римской границе, заключили наступательный союз и
вторглись в пограничные провинции. Оба императора вы-
ступили на войну, которая по имени одного из могуществен-
нейших неприятельских племен получила название Марко-
манской и много лет велась с переменным успехом. В январе
169 года Л. Вер умер в Италии на пути императоров в Рим.
Критическое положение империи, на которую одновремен-
но обрушились война, мор и голод, заставило Марка Авре-
лия принять чрезвычайные меры, он даже приказал продать
с аукциона массу драгоценностей, хранившихся во дворце.

Вскоре на льду Дуная он одержал победу над яцигами. Но в 174 году Марк Аврелий был окружен; недостаток воды довел войско его до крайности. Внезапно поднялся ветер, проливной дождь освежил войско, и враги были разбиты. Эта история пересказывалась потом и язычниками, и христианами. И в следующем году военное счастье не покинуло Марка Аврелия, но посторонние обстоятельства вынудили его заключить с варварами мир. Он получил известие, что восстал сирийский наместник Авидий-Кассий, которому император передал высшее управление значительной частью Востока. Но прежде чем Марк Аврелий добрался до Азии, мятежный наместник был убит собственными своими офицерами. Участники восстания имели случай испытать все великодушие и гуманность Марка Аврелия. 3 декабря 176 года он вместе с сыном своим Коммодом праздновал триумфом победу над «германцами и сарматами»; в это же приблизительно время он сделал Коммода своим соправителем. В 178 году опять вспыхнула война с маркоманами, которая снова кончилась победой римлян.

17 марта 180 года Марк Аврелий умер. Помимо обычных почестей ему была воздвигнута еще колонна по образцу Траяновой, украшенная рельефными изображениями подвигов Марка Аврелия во время Маркоманской войны. Изображения эти сохранились до сих пор, равно как на Капитолии бронзовая, с остатками позолоты, конная статуя.

Несмотря на упорные войны, в которых Марк Аврелий

провел все свое царствование почти без перерыва, он все же находил время для многих благотворных мероприятий в области внутреннего управления и юстиции. Все эти мероприятия отличаются замечательным человеколюбием. Между прочим, он расширил приют для бедных детей, учрежденный Траяном, и дал ему твердый устав, а также упорядочил законы об опеке. Но есть в его системе и теневая сторона: это преследования христиан, которыми галльские и смирнские власти омрачили его правление; он допустил эти преследования, предпринятые на основании законов, изданных при Траяне.

Кроме некоторых частей своей переписки и переписки Л. Вера и Антонина Пия с знаменитым ритором Фронтоном, Марк Аврелий оставил записки на греческом языке, под заглавием «К самому себе» («Размышления»). Записки эти делятся на 12 книг и дышат благородством и возвышенностью стоицизма; в них ярко отражаются его великодушный характер и те высоконравственные начала, которые он старался проводить в жизнь. Содержание этих записок – вопросы практической морали. Идеалом человека Марк Аврелий признает совершенное равнодушие ко всяким лишениям и самую искреннюю любовь к людям. Исконное свойство человеческой природы, по его мнению, стремление к общему благу. Он жалеет о тщеславии завоевателей и подвиги их считает наравне с разбоем. Он первый произнес слово «космополит». «Ты, как человек, – говорит он, – гражданин всего

мира, ты – космополит». Все это, однако, не помешало ему выразить в своем произведении крайнее презрение к мученикам за идею христианства. Все происходящее в мире Марк Аврелий рассматривает как проявление промысла природы, отождествляемой с богом – активным, разумным и материальным началом, проникающим весь мир и объединяющим его в единое целое. Человек должен активно сотрудничать с миром, т. е. с богом, ибо в мире все происходит согласно его естественным законам. Чтобы достичь счастья, необходимо привести свое поведение, свои чувства и взгляды в соответствие с этими законами. Задача – постигать эти законы и жить в гармонии с ними...

Марк Аврелий. Наедине с собой

Размышления

Книга первая

1

Деду Веру¹ я обязан сердечностью и незлобивостью.

2

Славе родителя² и оставленной им по себе памяти – скромностью и мужественностью.

¹ Дедом Марка Аврелия по материнской линии был *Марк Анний Вер*, римский сенатор, дважды консул. В латинском тексте первой книги после предлога «от», начинающего каждую главу, нет глаголов, поэтому остается все же неясным, речь идет о том, что Марк Аврелий унаследовал перечисляемые качества у названных людей, находил в них для себя образец, или же просто отмечал их.

² Родного отца Марка Аврелия звали *Публий Анний Вер*. По отцовской линии род Марка Аврелия восходил ко второму царю Рима Нуме Помпилию (715–672 г. до н. э.).

3

Матери³ – благочестием, щедростью и воздержанием не только от дурных дел, но и от дурных помыслов. А также и простым образом жизни, далеким от всякого роскошества.

4

Прадеду⁴ – тем, что не посещал публичных школ, пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это не следует щадить средств.

5

Воспитателю⁵ – тем, что не интересовался исходом борьбы между Зелеными и Голубыми⁶ или между гладиаторами

³ Мать Марка Аврелия – *Доминия Луцилла*, дочь Кальвизия Тулла, бывшего дважды консулом.

⁴ Возможно речь идет о прадеде Марка Аврелия – *Катилии Севере*, который дважды был консулом.

⁵ О ком говорит Марк Аврелий, в точности неизвестно.

⁶ *Зеленые и синие* (голубые) – партии в цирке. Назывались по цветам одежды наездников в конских состязаниях. Позднее эти партии приобрели политическое значение. Гладиаторы с поножами на обеих ногах, небольшим круглым щитом и кривым мечом назывались фракийцами (со времен Суллы, I в. до н. э). Галлами называли часто мурмилонов (с изображением на каске рыбы – «мурмы»), сражавшихся с ретиариями, вооруженными сетью и трезубцем.

фракийского и галльского вооружения, что выносив в трудах, довольствуюсь малым, не поручаю своего дела другому, не берусь за множество дел и невосприимчив к клевете.

6

Диогнету⁷ – нелюбовью заниматься пустяками и неверием в рассказы чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании бесов и тому подобных вещах, тем, что не разводил перепелов и не увлекался ничем подобным, и тем, что меня не выводит из себя свободное слово, что я отдался философии и слушал вначале Евтихия, затем Андрона и Мециана, уже ребенком писал диалоги и почувствовал влечение к простому ложу, звериной шкуре и прочим принадлежностям греческого образа жизни.

7

Рустик⁸ – тем, что пришел к мысли о необходимости исправлять и образовывать характер, не проникся духом софистики, не занимался сочинительством теорий, не держал увещательных речей, не разыгрывал напоказ ни страстотерпца, ни общего благодетеля, не увлекался ни риторикой, ни

⁷ Диогнетта упоминает автор «Жизнеописания Марка», писатель начала IV в. Капитолии, называя его учителем живописи. Возможно, Диогнет был наставником будущего императора.

⁸ Юний Рустик – философ-стоик, которого Марк Аврелий очень ценил.

поэтикой, ни краснбайством, не разгуливал дома в столе⁹ и не делал ничего подобного. Благодаря ему я пишу письма без всяких затей, вроде того, которое он сам написал моей матери из Синуессы, всегда готов примириться с оскорбителями и обидчиками, лишь только они сделают первый шаг, вникаю во все, что приходится читать, не довольствуясь поверхностным образом, не соглашаюсь тотчас же с людьми, сыплющими словами, и благодаря ему же я познакомился с воспоминаниями об Эпиктете¹⁰, которыми он ссудил меня из своей библиотеки.

8

Аполлонию¹¹ – свободой и решимостью и тем, что неуклонно не взираю ни на что, кроме как на разум, и всегда остаюсь себе верным, при жестокой боли, при потере ребенка, в опасной болезни. Благодаря ему я на живом примере ясно увидел, что в одном и том же лице величайшая на-

⁹ *Стола* – широкая и длинная туника, верхняя женская одежда. Иногда ее носили и мужчины. Разгуливавший в столе юноша – признак женственности и изнеженности.

¹⁰ *Эпиктет* (ок. 50—138 г.) – философ, один из основных представителей поздней Стои. Раб в Риме, потом вольноотпущенник, основавший в Никополе (Греция) философскую школу. По образу жизни был близок к киникам. «Беседы» Эпиктета были записаны его учеником, историком Аррианом (автором известного «Похода Александра»). Учение Эпиктета и рассказы о его образе жизни оказали сильное влияние на Марка Аврелия.

¹¹ *Аполлоний Халкедонский* – философ-стоик, учитель Марка Аврелия.

стойчивость может ужиться со снисходительностью, благодаря ему я не выхожу из себя, когда приходится растолковывать что-либо; видел человека, который уменье и сноровку в передаче познаний почитал наименьшим из своих достоинств, и понял, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не оставаясь в вечном долгу из-за них, но и не оставляя их равнодушно без внимания.

9

Сексту¹² – благожелательностью, образцом дома, руководимого отцом семейства, решением жить согласно природе, безыскусственной серьезностью, заботливым отношением к друзьям, запасом терпения в отношении к людям невежественным и опрометчиво судящим и уменьем со всеми ладить: общение с ним было приятнее всякой лестии, и в то же время он пользовался у этих людей величайшим уважением. Он учил меня с пониманием и методически отыскивать и располагать необходимые для жизни основоположения, не высказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, но сочетать любвеобилие с полнейшей свободой от страстей, пользоваться доброй славой, не вызывая шума, и обладать большими познаниями, не выставляя их напоказ.

¹² *Секст Херонейский* – философ-стоик, племянник знаменитого Плутарха, преподавал Марку Аврелию греческую литературу.

10

Александру Грамматику¹³ – воздержанием от упреков и обидных замечаний по адресу людей, обмолвившихся каким-либо варварским, ошибочным или неблагозвучным выражением: в подобных случаях я, следуя ему, стараюсь употребить правильное выражение в форме ли ответа, подтверждения, совместного исследования самого предмета, а не оборота речи, или же посредством какого-либо другого уместного приема напоминания.

11

Фронтому¹⁴ – пониманием того, каковы злорадство, коварство и лицемерие, присущие тирании, и того, насколько вообще черствы душой люди, слывущие у нас аристократами.

¹³ *Александр Котиенский* – родом из Фригии, учитель греческой грамматики Марка Аврелия. Известен своим комментарием к поэмам Гомера.

¹⁴ *Марк Корнелий Фронтон* – знаменитый оратор II в., учитель Марка Аврелия. Возглавлял архаистическое направление в латинской литературе. Один из наиболее близких людей к Марку Аврелию. В его сочинениях сохранились письма к нему Марка Аврелия.

12

Александру Платонику¹⁵ – тем, что не часто и не без необходимости ссылаюсь на недосуг как в разговоре с кем-нибудь, так и в письмах и не пренебрегаю, таким образом, постоянно, под предлогом неотложных дел, обязанностями по отношению к близким.

13

Катуллу¹⁶ – тем, что не оставляю без внимания жалобы друзей, даже если они неосновательны, но стремлюсь по возможности все уладить по-прежнему, что от чистого сердца воздаю хвалу учителям, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Атенодот, а также истинной любовью к детям.

14

Брату моему Северу¹⁷ – любовью к домашним, к истине и

¹⁵ Александр – философ-платоник, исполнявший обязанности секретаря Марка Аврелия.

¹⁶ Цинна Катул – философ-стоик.

¹⁷ У Марка Аврелия не было родных братьев. Брат по усыновлению Антонином Пием Луций Вер не отличался подобными добродетелями. Возможно, имелся в виду философ-перипатетик Клавдий Север, учитель Марка Аврелия.

справедливости, знакомством, через его посредство, с Тразеем, Гельвидием, Катонем, Дионом и Брутом¹⁸, представлением о государстве с равным для всех законом, управляемом согласно равенству и равноправию всех, и царстве, превыше всего чтущем свободу подданных. Ему же я обязан и тем, что неизменно чту философию, делаю добро, постоянен в проявлениях щедрости, исполнен благих надежд и верю в любовь со стороны друзей. Осуждая кого-нибудь, он не скрывал этого, а его друзьям не приходилось догадываться, чего он хочет или не хочет, но это всем было ясно.

15

Максиму¹⁹ – самообладанием, настойчивостью, бодростью в болезнях и других невзгодах, уравновешенностью, мягкостью и достоинством характера, рвением в исполнении стоящих на очереди дел; что бы он ни говорил, все верили, все верили в его искренность, что бы ни делал – в отсутствие злого умысла. Ему же я обязан тем, что ничему не удивля-

¹⁸ *Тразея Пет* и *Гельвидий Приск*, римляне, известные своей стойкостью и республиканскими симпатиями. Жертвы преследований Нерона (I в.). Катон *Утический* – участник гражданских войн конца римской республики. *Дион* – друг философа Платона, боровшийся против тирании в Сиракузах (IV в. до н. э.). *Марк Брут* (85–42 до. н. э.) – римский полководец и политический деятель. Убийца Гая Юлия Цезаря.

¹⁹ *Клавдий Максим* – философ-стоик, учитель Марка Аврелия, пользовавшийся уважением со стороны Антонина Пия.

юсь и ничем не поражаюсь, ни в чем не проявляю ни спешки, ни медлительности, ни растерянности, ни уныния, ни зло-радства, ни гнева, ни мнительности, и тем, что предан добру, готов отпустить обиду, чуждаюсь лжи, предпочитаю верность своему долгу последующему исправлению, соблюдаю благопристойность и в шутках: никто не считал себя прези-раемым им, но никто не решался и счесть себя выше его.

16

Отцу своему²⁰ – кротостью и непоколебимой твердостью в решениях, принятых по зрелом обсуждении, отсутстви-ем интереса к мнимым почестям, любовью к труду и стара-тельностью, внимательным отношением ко всем, имевшим внести какое-либо общепольное предложение, неуклонным воздаванием каждому по его достоинству, знанием, где нуж-ны меры строгости, а где кротости, искоренением любви к мальчикам, преданностью общим интересам. Он разрешил своим друзьям даже вовсе не присутствовать на его обедах и не принуждал их сопровождать его в путешествиях. Ес-ли кто отлучался по делам, то, возвращаясь обратно, нахо-

²⁰ Марк Аврелий называет отцом своего усыновителя Антонина Пия. *Тут Авре-лий Фульвий Антонин* (Бойоний), прозванный за мягкосердие Пием (86—161), усыновлен Адрианом, в 138—161 гг. – император. Правление Антонина Пия счита-ют вершиной могущества Римской империи. Марк Аврелий был женат на до-чери Антонина Пия Фаустине и назначен вместе с Луцием Вером его преемни-ком.

дил его расположенным к себе по-прежнему. Во время совещаний он настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он старался сохранить своих друзей, не меняя их по капризу, но и не обнаруживая к ним чрезмерного пристрастия. Уверенность в своих силах и бодрость были его постоянными спутниками. Он предвидел отдаленные события и предусматривал самые ничтожные обстоятельства, не кичась этим. Угодливость и вообще всякая лесть были ему противны. Он всегда был на страже государственных нужд и бережно тратил общественные средства, не боясь упреков за это. Ему были равно чужды как суеверие по отношению к богам, так и заискивание и угождение по отношению к людям или потакание черни, — наоборот, трезвость, положительность, благопристойность, постоянство были его отличительными свойствами. Что касается вещей, которые красят жизнь и которыми судьба одарила его в изобилии, то он пользовался ими без тщеславия, но и без скупости, так что, пользуясь беспритязательно тем, что имелось налицо, он не нуждался в том, чего не было. Никто не мог про него сказать, что он софист, болтун или педант, но всякий должен был признать в нем человека зрелого, совершенного, недоступного лести, способного устроить и свои дела, и чужие. Кроме того, он умел ценить истинных философов, к остальным же относился без пренебрежения, хотя и не давался им в обман. Отличаясь приветливостью, он

не прочь был и пошутить, но никогда не переходил границ. Он заботился должным образом и о своем теле, не как человек, цепляющийся за жизнь, не стремясь к внешней красоте, но и не оставляя его в небрежении; своим вниманием к нему он имел в виду достичь того, чтобы возможно менее нуждаться во врачебном искусстве или же во внутренних и наружных лекарствах. Но особенно замечательна та готовность, с которой он признавал превосходство людей, приобретших особую авторитетность в какой-нибудь области, например в красноречии, познании законов, нравов или еще чего-нибудь; он даже прилагал все усилия, чтобы каждый из них получил известность в меру своих дарований. Во всем блюдя заветы отцов, он в то же время даже не старался казаться следующим им. Кроме того, ему были чужды непостоянство и непоседливость, и он подолгу оставался в одних и тех же местах и при одних и тех же занятиях. После жестоких припадков головной боли он как ни в чем не бывало со свежими силами принимался за обычные дела. Секретов у него было очень мало, да и те относились только к общественным делам. В устройстве зрелищ, возведении зданий, в своих щедротах и тому подобном он проявил благоразумие и умеренность. Во всяком поступке его занимало только должное, а не добрая слава, сопутствующая такому поступку. Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой зданий, был непритязателен в вопросе о еде, о тка-

ни и цвете одежд, о красоте рабов. Обыкновенно в Лориуме²¹ он носил столу, изготовленную в соседней деревне, в Ланувииуме по большей части ходил одетым в хитон, в Тускулане же носил плащ, считая нужным извиняться в этом, – и таков он был во всем. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму»; наоборот, он все обсуждал во всех подробностях, как бы на досуге, спокойно, держась известного порядка, терпеливо, сообразуясь с самим делом. К нему вполне можно было бы применить то, что повествуется о Сократе: он мог именно и воздерживаться, мог и пользоваться всем тем, относительно чего большинство людей бесильно в воздержании и неумеренно в пользовании. Но проявлять в одном случае терпение, в другом – воздержание, в третьем – трезвость суждения достойно человека, обладающего душою совершенной и непреклонной. Именно таким показал он себя во время болезни Максима.

17

Богам – тем, что у меня хорошие деды, хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя, хорошие домочадцы, родственники, друзья, почти все окружающие, и тем, что мне не пришлось обидеть никого из них, хотя у меня такой ха-

²¹ *Лориум* – небольшой город на границе Этрурии и Лация. Любимая резиденция Антонина Пия.

раक्टर, при котором я при случае и мог сделать что-нибудь подобное; но по милости богов не было такого стечения обстоятельств, которое должно было бы меня обличить. Им же я обязан и тем, что недолго воспитывался у наложницы деда и что сохранил в чистоте свою юность, не возмужал раньше времени, а даже запоздал в этом отношении. Богов я должен благодарить и за то, что моим руководителем был государь и отец, который хотел искоренить во мне всякое тщеславие и внедрить мысль, что и живя при дворе можно обходиться без телохранителей, без пышных одежд, без факелов, статуй и тому подобной помпы, но вести жизнь весьма близкую к жизни частного человека, не относясь поэтому уже с пренебрежением и легкомыслием к обязанностям правителя, касающимся общественных дел. Их же я должен благодарить, далее, за то, что у меня был брат²², который своим характером мог подвигнуть меня на заботу о самом себе и который в то же время доставлял мне радость своим уважением и любовью ко мне; за то, что мои дети не были обижены ни в умственном, ни в физическом отношении, и за то, что я не сделал больших успехов ни в риторике, ни в поэтике, ни в других занятиях, которым, быть может, я бы посвятил себя, если бы знал за собой большую успешность. Богам я обязан и тем, что безотлагательно взыскал своих воспитателей

²² Брат Марка Аврелия по усыновлению *Луций Вер* был его равноправным соправителем до своей смерти в 169 г. Несмотря на различие в характерах и образе жизни, Луций Вер относился к Марку Аврелию с уважением и почтением.

теми почестями, которых они, по-видимому, добивались, а не ласкал их только надеждою, что сделаю это впоследствии, так как сейчас они еще молоды, и тем, что познакомился с Аполлонием, Рустиком, Максимом. Я часто думал о жизни, согласной с природой, и ясно представлял себе, какова она. Боги, со своей стороны, сделали все своими дарами, помощью и внушением, чтобы я мог беспрепятственно жить согласно природе²³, и если я не жил так, то по своей вине и потому, что не следовал их указаниям и чуть что не прямым наставлениям, – за это я также должен быть признателен богам, равно как и за то, что при такой жизни мое тело не отказалось мне служить до сих пор, и за то, что избег сближения с Бенедиктой и Феодотом, да и впоследствии быстро исцелялся от любовных увлечений; за то, далее, что, часто сердясь на Рустика, не сделал ничего такого, в чем бы пришлось потом раскаиваться, и за то, что моя мать, которой суждено было умереть молодой, последние годы провела со мною. Благодарение богам и за то, что не было такого случая, чтобы я хотел помочь бедному или же вообще нуждающемуся, но должен был отказаться от этого за неимением средств, и за то, что сам никогда не был в такой нужде, чтобы быть вынужденным брать у других, и за то, что у меня такая преданная, любве-

²³ *Жить согласно природе* – основное правило стоиков, начиная с основателя стоицизма Зенона Китионского (342/334 – 270/262 до н. э.) и Хрисиппа (281/278 – 208/205 до н. э.). «Жить согласно природе, – писал Зенон, – то же самое, что жить согласно добродетели». Природа – философская категория стоицизма, обозначающая, в данном контексте, связь человека с космическим миропорядком.

обильная, откровенная жена²⁴, и за то, что никогда не имел недостатка в хороших воспитателях для моих детей. Им же я обязан и полученным мною во сне указанием средств как против кровохаркания и головокружения (что случилось и в Каэте), так и против других недугов, и тем, что, почувствовав влечение к философии, я не попал в руки какого-нибудь софиста, не увлекся ни историей, ни анализом силлогизмов, не отдался изучению небесных явлений. Ибо для всего этого нужна помощь богов и милость судьбы.

Страна Квадов у Грануи²⁵.

²⁴ *Фаустина*, дочь Антонина Пия и жена Марка Аврелия, по рассказам современников, вовсе не отличалась любовью к скромной жизни и верностью супругу. Ходили слухи, что Коммод, сын и наследник Марка Аврелия, был рожден от глadiatorа, хотя, судя по сохранившимся скульптурным портретам, между отцом и сыном можно увидеть определенное сходство.

²⁵ Марк Аврелий писал эту книгу в походной палатке, во время передышки в тяжелой войне против германских племен квадов и маркоманов, наступавших на границы Римской империи. Грануя (Гран) – приток Дуная.

Книга вторая

1

Поутру следует сказать себе: «Сегодня мне придется столкнуться с людьми навязчивыми, неблагодарными, заносчивыми, коварными, завистливыми, неуживчивыми. Всеми этими свойствами они обязаны незнанию добра и зла. Я же, после того как познал и природу добра – оно прекрасно, – и природу зла – оно постыдно, – и природу самого заблуждающегося – он родной мне не по крови и общему происхождению, а по духу и божескому определению, – я не могу ни потерпеть вреда от кого-либо *из них* – ведь никто не может вовлечь меня во что-либо постыдное, – ни гневаться на родного, ни ненавидеть его. Ибо мы созданы для совместной деятельности, как и нога, руки, веки, верхняя и нижняя челюсти. Поэтому противодействовать друг другу – противно природе; но досадовать на людей и чуждаться их – *и значит* им противодействовать».

2

Чем бы я ни был, я все же только немощное тело, сла-

бое проявление жизненной силы и руководящего начала²⁶. Оставь книги, не отвлекайся от дела, время не терпит. Относись же к твоему телу с таким же пренебрежением, как если бы ты был при смерти; оно лишь кровь да кости, брэнное плетение из нервов, жил и артерий. Рассмотрй также существо жизненной силы: оно – дуновение, притом не остающееся всегда себе равным, а ежемгновенно то выдыхаемое, то вновь вдыхаемое. Итак, остается лишь третье – руководящее начало, и о нем-то ты должен подумать. Ты стар – не допускай же более его порабощения, не допускай, чтобы помыкали им противообщественные стремления, чтобы оно роптало на свой настоящий удел и приходило в ужас перед будущим.

3

Созидаемое богами преисполнено промысла. Приписываемое случаю также возникает не без участия природы или не без связи и соединения с тем, чем руководит промысел. Все происходит из этого источника; с ним сопряжены и неиз-

²⁶ *Жизненная сила*, дыхание, по учению стоиков, – проявление в живых существах мирового творящего огня – пневмы. Марком Аврелием термин употреблен в уменьшительном значении, указывающем на малую часть этой вселенской силы. Господствующее («ведущее», «руководящее») начало в человеке является также истечением тончайших эфирных слоев пневмы, мирового огненного разума, исполненного художественно-творческих сил. Господствующее начало не отождествляется полностью с душой, но определяет ее способности и органическую связь с высшим разумом.

бежное, и то, что идет на пользу всему миру, коего ты составляешь часть. Для всякой же части природы будет благом то, что производит природа Целого и что способствует ее поддержанию. Но изменения как элементов, так и сложных тел способствуют поддержанию мира. Вот мысли, которые должны дать тебе удовлетворение; пусть же они будут твоими основоположениями. Утешь свою жажду книжного знания, чтобы не роптать, когда придет смерть, а умереть, храня благорасположение и искренно, от всего сердца, благодаря богов.

4

Вспомни, с коих пор ты откладываешь эти размышления и сколько раз ты, получив у богов отсрочку, не воспользовался ею. Но ведь следует же тебе в конце концов сознать, к какому миру ты принадлежишь как часть и истечением какого мироправителя ты являешься; ты должен сознать, что положен предел времени твоей жизни и, если ты не воспользуешься этим временем для своего просвещения, оно исчезнет, как исчезнешь и ты, и более уже не вернется.

5

Всегда ревностно заботиться о том, чтобы дело, которым ты в данный момент занят, исполнять так, как достойно рим-

лянина и мужа, с полной и искренней серьезностью, с любовью к людям, со свободой и справедливостью; и о том также, чтобы отстранить от себя все другие представления. Последнее удастся тебе, если ты каждое дело будешь исполнять как последнее в своей жизни, свободный от всякого безрассудства, от обусловленного страстями пренебрежения к велениям разума, от лицемерия, себялюбия и недовольства своей судьбой. Ты видишь, как немногочисленны требования, исполнив которые всякий сможет жить блаженной и божественной жизнью. Да и сами боги от того, кто исполняет эти требования, ничего больше не потребуют.

6

Ну что ж, пренебрегай, пренебрегай собой, душа! Ведь отнесись к себе с должным вниманием ты уже скоро не сможешь. Жизнь вообще мимолетна, твоя же жизнь уже на исходе, а ты не уважаешь себя, но ставишь свое благоденствие в зависимость от душ других людей.

7

Пусть не рассеивает тебя приходящее к тебе извне! Создай себе досуг для того, чтобы научиться чему-нибудь хорошему и перестать блуждать без цели. Следует беречься также и другого тяжкого заблуждения. Ведь безумны люди, кото-

рые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы всецело все стремления и представления.

8

Нелегко указать на кого-либо, кто стал бы несчастным от того, что был невнимателен к происходящему в чужой душе. Но неизбежно будет несчастен тот, кто не следит за движениями своей собственной души.

9

Всегда следует помнить о том, какова природа Целого, какова моя природа, каково отношение второй к первой и какой частью какого Целого она является, а также о том, что никто не может помешать всегда действовать и говорить согласно природе, часть которой ты составляешь.

10

Теофраст²⁷, расценивая различные проступки (поскольку такая расценка возможна с обычной точки зрения), замечает как истинный философ, что проступки, содеянные по влече-

²⁷ *Теофраст* (372–287 гг. до н. э.) – ученик Аристотеля. Известно его сочинение «Характеры».

нию, более тяжки, чем проступки, содеянные под влиянием гнева. Ведь гневающийся, отвращаясь от разума, испытывает, по-видимому, какую-то горечь и тайное сокрушение, прегрешающий же по влечению, не будучи в силах устоять перед соблазном наслаждения, проявляет, по-видимому, в своих проступках большую распущенность и изнеженность. Правильно поэтому и достойно философии, Феофраст решил, что большего порицания заслуживает проступок, сопряженный с наслаждением, нежели сопряженный с горем. Вообще один из этих людей подобен скорее тому, кого вызвало на гнев чувство горечи, связанное с причиненной ему ранее несправедливостью, другой же самопроизвольно стремится к несправедливости, увлекаемый своим вожделением к какому-нибудь действию.

11

Все следует делать, обо всем говорить и помышлять так, как будто каждое мгновение может оказаться для тебя последним. Если боги существуют, то выбыть из числа людей вовсе не страшно: ведь боги не ввергнут тебя во зло. Если же богов не существует или им нет дела до людей, то что за смысл мне жить в мире, где нет богов или нет промысла? Но боги существуют и проявляют заботливость по отношению к людям. Они устроили так, что всецело от самого человека зависит, впасть или не впасть в истинное зло. А если злом

является и что-нибудь другое, то они позаботились также, чтобы от каждого зависело не впасть в оное. Но то, что не делает худшим человека, может ли сделать худшей жизнь человеческую? Природа Целого не могла оплошать таким образом ни по неведению, ни по бессилию, предупредить или исправить, в случае если она обладает всезнанием; не могла бы она также ни по бессилию, ни по неумелости допустить такую ошибку, как распределение благ и зол между всеми людьми без разбора, как между хорошими, так и между дурными. Смерть же и жизнь, слава и бесчестье, страдание и наслаждение, богатство и бедность – все это одинаково выпадает на долю как хорошим людям, так и дурным. Все это не прекрасно и не постыдно, а следовательно, не благо и не зло.

12

Как быстро все исчезает: самые тела в мире, память о них в вечности! Каково все воспринимаемое чувствами, в особенности то, что манит нас наслаждением, или отпугивает страданием, или прославляется тщеславием? Как все это ничтожно, презренно, низменно, брэнно и мертво! Вот на что следует направить способность мышления. Что представляют собою те, убеждения и голоса которых рождают славу? Что такое смерть? Если взять ее самое по себе и отвлечься от всего, что вымышлено по ее поводу, то тотчас же убедишься, что она не что иное, как действие природы. Бояться же дей-

ствия природы – ребячество; смерть же не только действие природы, но и действие, полезное ей.

Как и какую часть своего существа соприкасается человек с богом и что делается с этой частью по ее отделении?

13

Нет ничего более жалкого, нежели человек, измеряющий все вдоль и поперек, пытающийся, как говорит поэт, проникнуть в «глубины подземные»²⁸ и разгадать тайну душ окружающих его людей и, однако, не сознающий, что для него вполне достаточно общения с одним только внутренним гением и честного служения ему. Последнее же заключается в том, чтобы обереечь его от страстей, безрассудства и недовольства делами богов и людей. Дела богов почтены своим совершенством, дела людей любезны нам в силу родства с ними. Но иногда последние возбуждают некоторого рода жалость: когда именно в них проявляется неведение добра и зла – уродство не меньшее, нежели неспособность различать белое и черное.

²⁸ Слова древнегреческого поэта Пиндара (921–441 гг. до н. э.), приведенные Платоном (великий древнегреческий философ, 427–347 гг. до н. э. (в его диалоге «Теэтет».

14

Если бы даже ты рассчитывал прожить три тысячи лет и еще тридцать тысяч, все же ты должен помнить, что никто не лишается другой жизни, кроме той, которую он изживает, и никто не изживает другой жизни, кроме той, которой лишается. Поэтому самая продолжительная жизнь ничем не отличается от самой краткой. Ведь настоящее для всех равно, а следовательно, равны и потери – и сводятся они всего-навсего к мгновению. Никто не может лишиться ни минувшего, ни грядущего. Ибо кто мог бы отнять у меня то, чего я не имею?

Итак, следует помнить о двух истинах. Во-первых, все из века равно самому себе, пребывая в круговороте, и потому вполне безразлично, наблюдать ли одно и то же сто лет, или двести, или же бесконечное время. Во-вторых, наиболее долговечный и умерший, только что начав жить, теряют в конце концов одно и то же. Настоящее – вот все, чего можно лишиться, ибо только им и обладаешь, а никто не лишается того, чем не обладает.

15

Все зависит от убеждения. Это ясно из изречений циника Монима²⁹. Но и польза его слов будет ясна для того, кто су-

²⁹ *Моним Сиракузский* (IV в. до н. э.) – философкиник, ученик Диогена из Си-

меет уловить заключающееся в них ядро истины.

16

Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира, становясь (поскольку то зависит от нее) как бы болезненным наростом на нем. Ибо ропот по поводу чего-либо происходящего есть возмущение против природы Целого, объемлющей в своей части все другие существа. Далее, когда она чуждается какого-либо человека или устремляется против него с намерением причинить ему вред, как это бывает с разгневанными. В-третьих, она покрывает себя позором, когда не в силах устоять против наслаждения или страдания. В-четвертых, когда она лицемерит и фальшиво и неискренно делает что-нибудь или говорит. В-пятых, когда она не сообразует своего действия и стремления с целью, но делает что-нибудь зря и без толку, ибо даже в пустяках следует сообразоваться с целью. Целью же разумных существ является повиновение разуму и зако-

нопа, наиболее знаменитого представителя кинической философии и соответствующего ей образа жизни (ок. 412–323 гг. до н. э.). Был рабом, но изгнан хозяином, как сумасшедший. Диоген Лаэртский, автор известного сочинения «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» (кон. II – нач. III в.), сообщает о книге Монима Сиракузского «Безделки, с которыми незаметно смешаны важные вещи». О Мониме рассказывали, что он сравнивал все существующее вокруг с театральными декорациями, считая, что оно подобно сновидениям или бреду сумасшедшего.

ну древнейшего Града³⁰ и устройства.

17

Время человеческой жизни – миг; ее сущность – вечное течение; ощущение – смутно; строение всего тела – бренно; душа – неустойчива; судьба – загадочна; слава – недостоверна. Одним словом, все относящееся к телу подобно потоку, относящееся к душе – сновиденью и дыму. Жизнь – борьба и странствие по чужбине; посмертная слава – забвение. Но что же может вывести на путь? Ничто, кроме философии. Философствовать же – значит оберегать внутреннего гения от поношения и изъяна, добиваться того, чтобы он стоял выше наслаждений и страданий, чтобы не было в его действиях ни безрассудства, ни обмана, ни лицемерия, чтобы не касалось его, делает или не делает чего-либо его ближний, чтобы на все происходящее и данное ему в удел он смотрел как на протекающее оттуда, откуда изошел и он сам, а самое главное – чтобы он безропотно ждал смерти, как простого разложения тех элементов, из которых слагается каждое живое существо. Но если для самих элементов нет ничего страшного в их постоянном переходе друг в друга, то где основания бояться кому-либо их общего изменения и разложения? Ведь последнее согласно с природой, а то, что согласно с природой, не может быть дурным.

³⁰ *Древнейшему Граду* уподоблена вселенная, обладающая разумом.

Карнунт³¹.

³¹ *Карнунт* – город в Паннонии, место зимовки римских легионов во время войны с маркоманами, германскими племенами, начавшими наступление на границы империи.

Книга третья

1

Надлежит учесть не только то, что жизнь убывает с каждым днем и остается все меньшая ее доля, но также и то, что если бы даже была обеспечена кому-нибудь более долгая жизнь, все же останется неизвестным, будет ли по-прежнему достаточна сила его мысли для понимания наличных обстоятельств и для постижения, осваивающего с делами божескими и человеческими. Ведь если человек начнет тупеть, то это, конечно, не отразится еще на дыхании, пищеварении, воображении, стремлении и тому подобных отправлениях, но власть над самим собой, точное понимание своих обязанностей, *способность* разобраться в происходящем и отдать себе отчет в том, не пора ли расстаться с этой жизнью, все, что необходимо предполагает изошренность разума, будет потеряно безвозвратно. Итак, нужно торопиться не только потому, что с каждым днем мы все ближе и ближе подходим к смерти, но и потому, что еще при жизни отказывается служить способность уразумения и наблюдения вещей.

Следует обратить внимание и на то, что даже и привходящее к произведениям природы обладает какой-то привлекательностью и заманчивостью. Так, на печеном хлебе местами имеются трещинки, и хотя эти расщелины некоторым образом чужды цели пекарского искусства, однако они как-то уместны и особенно возбуждают аппетит к еде. Точно так же и плоды смоковницы лопаются, достигнув наибольшей зрелости, а в переспелых маслинах самая близость гниения сообщает какую-то особую прелесть плоду. Низко склоненные колосья, хмурое чело льва, пена, бьющая из пасти вепря, и многое другое, далеко не миловидное, если рассматривать его само по себе, сопутствуя тому, что произведено природой, способствует общему впечатлению и влечет к себе; так что тому, кто обладает восприимчивостью и более глубоким проникновением в происходящее в Целом, едва ли что-нибудь и из сопутствующего произведениям природы не покажется некоторым образом уместным. На пасти живых зверей он будет взирать с не меньшим удовольствием, чем на изображенные, в подражание природе, художниками и ваятелями; а разумными очами своими он сможет узреть как особый расцвет и красоту старца и старухи, так и привлекательность ребенка. И много есть такого, что ведомо не всякому, но открывается лишь тому, кто действительно сблизился с природой.

дой и ее делами.

3

Гиппократ³², исцелив множество болезней, сам заболел и умер. Халдеи³³ предсказали многим смерть, а затем их самих постигла судьба. Александр, Помпей, Гай Цезарь³⁴, разрушив дотла столько городов и умертвив в боях десятки тысяч всадников и пехотинцев, в конце концов и сами расстались с жизнью. Гераклит³⁵, столько рассуждавший о всемирном пожаре, умер от водянки; не помог ему и коровий по-

³² *Гиппократ* (ок. 460 – ок. 370 гг. до н. э.) – врач, реформатор античной медицины, выдвинувший положение о моральной ответственности врача.

³³ *Халдеи* – семитические племена Южной Месопотамии. В данном случае – жрецы и маги Нововавилонского царства, которые славились как астрологи и предсказатели.

³⁴ *Александр Македонский* (356–323 гг. до н. э.) – царь Македонии с 336 г. до н. э., завоеватель, создавший мировую державу, которая распалась после его смерти. Со времени завоеваний Александра Македонского начинается эпоха эллинизма. *Гней Помпей*, прозванный Великим (106–48 гг. до н. э.) – римский полководец, боролся против Цезаря, разбитый Цезарем при Фарсале (Греция), был убит в Египте. *Гай Юлий Цезарь* (102 или 100–44 гг. до н. э.) – полководец, выдающийся писатель. После разгрома Помпея – глава римского государства. Убит в результате заговора.

³⁵ *Гераклит Эфесский* (кон. VI – нач. V в. до н. э.) – философ ионийской школы. Его учение о Мировом огне, который есть душа и разум (логос), оказало влияние на стоиков. Диоген Лаэртский передает рассказ о том, что, заболев водянкой, Гераклит закопался в бычьем навозе в хлеву, теплотою навоза надеясь испарить дурную влагу. Однако и в этом не найдя облегчения, он скончался, прожив 60 лет.

мет, которым он был намазан. Демокрита заели паразиты, Сократа убили тоже своего рода паразиты³⁶. Но какой вывод из всего этого? Ты взошел на корабль, совершил плавание, достиг гавани – пора слезать. Если тебя ждет другая жизнь, то, так как боги вездесущи, они будут и там. Если же это будет состояние бесчувственности, то тебе не придется более терпеть от страданий и наслаждений и служить оболочке, которая настолько хуже того, кто у нее в плену. Ибо последний есть дух и гений, оболочка же – прах и тлен.

4

Не расточай остатка жизни на мысли о других, если только дело не идет о чем-либо общепольном. Ведь, раздумывая о том, что кто делает и ради чего он это делает, что кто говорит, замышляет и предпринимает, ты упускаешь другое дело: все подобное отвлекает от забот о собственном руко-

³⁶ *Демокрит из Абдер* (460–371/70 или 361 г. до н. э.) – философ, создатель атомистической теории. О конце жизни Демокрита существует много анекдотических рассказов, но Диоген Лаэртский сообщает, что философ тихо скончался, прожив более ста лет. Возраст Демокрита несколько преувеличен. Римский поэт и философ Лукреций Кар (96 г. до н. э. – 55 г. н. э.) передает рассказ о самоубийстве Демокрита, почувствовавшего приближение старческого слабоумия. *Сократ* (469–399 гг. до н. э.) – самый известный, наряду с Платоном и Аристотелем, философ античности. Марк Аврелий имеет в виду доносчиков («сикофантов»), непостоянных в своих мнениях и эмоциях, афинских граждан и судей, вынесших в 399 г. до н. э. смертный приговор Сократу по несправедливому обвинению в отрицании богов, признанных городом, введении «новых божественных существ» и совращении молодежи.

водящем начале. Надлежит, следовательно, удалять из связи своих представлений все бесцельное и праздное, а в особенности все, внушаемое любопытством и злобой. Следует приучать себя, далее, только к таким мыслям, относительно которых на внезапный вопрос: «О чем ты теперь думаешь?» – ты мог бы, не обинуясь, откровенно ответить, что о том-то и том-то, ибо из них непосредственно явствует, что все они преисполнены искренности и благожелательности и достойны существа общежительного, гнушающегося мыслями о чувственном удовольствии и даже вообще о наслаждении, всякой строптивостью, завистью, подозрительностью и вообще всем тем, что заставит тебя покраснеть, если ты сознаешься, что оно было в тебе. Ведь подобный человек, никогда не оставляющий попечения о том, чтобы быть в числе наилучших, есть жрец и пособник богов. Он дружен и с живущим внутри его божеством, которое делает человека недостижимым для наслаждений, неуязвимым для каких бы то ни было страданий, чуждым всякой гордыне, нечувствительным к какому бы то ни было проявлению злобы, борцом в величайшей борьбе, где он должен противостать всем страстям, побуждает его глубоко проникнуться справедливостью и от всей души приветствовать все происходящее и выпадающее ему на долю, а о том, что говорит, делает или помышляет другой человек, думать нечасто и только если этого необходимо требует великое и общепольное дело. Он занят исключительно своими личными делами, а постоянным

предметом его размышлений является жребий, предуготовленный ему строением Целого. Первое он стремится довести до совершенства, а что касается второго, то он твердо уповает на его благость. Ибо жребий, выпадающий на долю каждого, и приноровлен ему, и полезен для него. Он помнит также, что все разумное в родстве между собой, что заботиться о всех людях сообразно природе человека и что ценно одобрение не всех людей, а только живущих согласно природе. Он никогда не упускает из виду, что представляют собою те, кто живут не так, каковы они дома и вне дома, ночью и в течение дня, и с кем, и какую водят дружбу. И похвалу людей, которые и сами-то себя не удовлетворяют, он не ставит ни во что.

5

Не поступай ни против своей воли, ни вразрез с общим благом, ни как человек опрометчивый или поддающийся влиянию какой-нибудь страсти, не облакай свою мысль в пышные формы, не увлекайся ни многоречивостью, ни многоделанием. Пусть божество в тебе будет руководителем существа мужественного, зрелого, преданного интересам государства, римлянина, облеченного властью, чувствующего себя на посту, подобного человеку, который, не нуждаясь ни в клятве, ни в поручителях, с легким сердцем ждет зова оставить жизнь. И светло у тебя будет на душе, и ты не будешь нуждаться ни в помощи извне, ни в том спокойствии, кото-

рое зависит от других.

Итак, следует быть правым, а не исправляемым.

6

Если ты находишь в человеческой жизни что-нибудь лучшее, нежели справедливость, истина, благоразумие, мужество, одним словом, удовлетворенность твоего духа самим собой, где он может указать тебе путь действия, согласный с правым разумом, и своей участью, где выпадающее на долю не зависит от выбора, если, говорю я, ты видишь что-нибудь лучшее, нежели это, то положи всю свою душу на то, чтобы испытать оказавшееся наилучшим. Если же ничто не кажется тебе лучшим, нежели живущий в тебе гений, подчинивший себе отдельные стремления, исследующий свои представления, сделавший себя недоступным для обольщения чувств, как говорил Сократ, подчинивший себя богам и заботящийся о людях, если по сравнению с этим ты находишь все остальное мелким и ничтожным, то не уделяй места ничему другому, что, раз прельстивши и склонивши тебя, уже не даст тебе возможности безраздельно отдаться служению единственно тебе принадлежащему благу. Ведь непозволительно же рядом с благом разума и гражданственности ставить что-либо чужеродное, как-то: одобрение толпы, власть, богатство, жизнь, полная наслаждений. Но все это, если ты припишешь ему хотя бы незначительную ценность, внезапно

овладеет тобой и увлечет за собой. Ты же, говорю, искренно и свободно избирай лучшее и держись его. – «Но лучшее – это полезное». – Если оно полезно для тебя как существа разумного, то береги его; если для тебя как животного, отрекись от него. Оберегай способность суждения от надменности, чтобы иметь возможность осторожно производить исследование.

7

Никогда не считай полезным для себя то, что когда-либо побудит тебя преступить обещание, забыть стыд, ненавидеть кого-нибудь, подозревать, клясть, лицемерить, пожелать чего-нибудь такого, что прячут за стенами и замками. Ведь тот, кто отдал предпочтение своему духу, гению и служению его добродетели, не надевает трагической маски, не издает стеланий, не нуждается ни в уединении, ни в многолюдстве. Он будет жить – и это самое главное, – ничего не преследуя и ничего не избегая. Его совершенно не беспокоит, в течение ли большего или меньшего времени его душа будет пребывать в телесной оболочке, и, когда придет момент расставания с жизнью, он уйдет с таким же легким сердцем, с каким он стал бы приводить в исполнение что-нибудь другое из того, что может быть сделано с достоинством и честью. Ведь всю свою жизнь он только и думает о том, чтобы не дать своей душе опуститься до состояния, недостойного разумного и

призванного к гражданственности существа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.